

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 159,9:61,008/091

Е. В. Караваева, Л. Д. Волкова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

На основе психологической теории К. Г. Юнга дан анализ некоторых особенностей русских волшебных сказок. Авторы статьи исходят из учения основателя аналитической психологии об архетипах и символах. Примерами служат две известные русские сказки: «Царевна-лягушка» и «Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и Сером Волке».

Ключевые слова: архетип, интроверсия, экстраверсия, символ, космизм.

Согласно психологической теории К. Г. Юнга, человеческие архетипы формируются постепенно в недрах древнего коллективного бессознательно. Они проявляются прежде всего в своеобразии психики людей, определяющей их повседневное поведение. Само слово «архетип», как известно, происходит от *лат.* «типос», т. е. печать или отпечаток. Архетипы, беря свое начало от глубокой древности, содержат в себе идущие из глубины веков представления об окружающем мире. Эти представления находили выражение в образах-символах, хорошо понятных древнему человеку. Образы-символы стали неотъемлемой частью общечеловеческой культуры, основой мифологии и народного творчества – фольклора. Они сохранились в народном представлении по сей день, находя выражение во всем многообразии материальной и духовной человеческой жизнедеятельности.

Однако, исходя из особенностей человеческого поведения, К. Г. Юнг подразделял архетипы на две противоположные группы: интровертов и экстравертов. У интроверта психическая энергия сосредоточена во внутреннем духовном мире. Экстраверт направляет свою энергию в мир внешний. Для интроверта характерно преобладание духовного начала и пренебрежение к внешним материальным ценностям. Как правило, интроверт проявляет малую внешнюю активность, держась в отдалении от людей и происходящих событий. Люди такого типа кажутся «странными» своей необщительностью, некоторой «неуклюжестью» своего поведения, «неухоженностью» своего внешнего вида. Между личной жизнью интроверта и внешним миром стоит некая преграда типа невидимой «стены», трудно преодолимой с обеих сторон.

Экстраверт являет собою полную противоположность интроверту. Этот психологический тип наполнен жизненной энергией, как говорится в та-

ких случаях, «плещущей через край». Какая-либо внешняя преграда между миром внутренним и внешним полностью отсутствует. Люди такого типа живут активной социальной жизнью, уверенно действуя в любых жизненных ситуациях. Внутренние духовные ценности отодвигаются на второй план, уступая место ценностям материально-меркантильного характера. Интроверт живет «в себе», а экстраверт – «в обществе». Глубокая самокритика, свойственная интроверту, у экстравертивного типа личностей отсутствует. Зато экстравертам свойственен артистизм поведения, часто граничащий с истеричностью. Поведение людей двух противоположных психологических типов лучше всего проявляется в религиозном мировосприятии. Там, где интроверт погружается во внутреннее самосозерцание и глубокую молитву, экстраверт входит в экстатическое состояние, граничащее с безумием.

К. Г. Юнг связывает формирование архетипов с особенностями структуры головного мозга. Большею частью эта структура передается генетическим путем. Более того, великий психолог-аналитик утверждал, что на протяжении всей истории становления человеческого сознания, начиная с древнейших времен, сформировались совершенно противоположные архетипы Востока и Запада. Для представителей восточной культуры характерен интровертивный тип мировосприятия и поведения, для западной культуры – экстравертивный [1]. Соответственно различия и символика в качестве своеобразной формы выражения видения мира этими двумя разными культурами. Так, в восточных культурах (индо-буддийский регион) издревле формируется символическое изображение круга, называемого на санскрите – мандала. В первобытном сознании мандала воспроизводила картину «мирового порядка», будучи своеобразной космограм-

мой, несшей в себе идею бесконечности мира и круговращения всего того, что «есть в мире». Постепенно круг стал средством погружения в состояние медитации, ставшей основой храмовых конструкций, получивших распространение на Востоке, в том числе в православии и исламе.

Интерес представляет тот факт, что некоторые символы приобретают разные значения в восточных и западных культурах. Так, в западной символике дракон олицетворяет дикую звероподобную стихийную силу, которую преодолевает герой легенд и сказок. Дракон охраняет в своей пещере награбленное золото и похищает царских дочерей. В русском варианте дракон приобретает образ Змея Горыныча, похитителя красавиц. Еще один вариант – Тугарин Змеевич, собирательный образ диких степных орд, угрожавших Киевской Руси. Горынычем змей называется не случайно, так как прообразом этого чудовища служили темные тучи, спускающиеся с гор. Огненные языки многочисленных голов – это молнии, которые могли убить человека. Змей может быть связан и с водной стихией. В персидском эпосе, представленном поэмой Абуль-Касима Фирдоуси «Шахнаме», дракон выглядит в виде змея, обитателя вод. В русских былинах дракон также обитает в воде. Как только Добрыня Никитич приближается к Почай-реке, а Алеша Попович – к Сафат-реке, как оттуда сразу же выплывает дракон. Естественно, богатыри мужественно вступают в противостояние с властителем «темных вод первозданности» и побеждают его.

В христианской традиции змей (он же дракон) служит воплощением темных сил. В православии змея убивает копьем святой Георгий Победоносец. Его обычно изображают сидящим на белом коне с копьем в руках. Змей ассоциируется с темными космическими стихиями, а Георгий Победоносец является носителем светлого начала. Не случайно он восседает на белом коне.

В Восточной Азии, конкретно в Китае, дракон служит символом счастья. Его образ связывается с мужским началом ян. По этой причине дракон почитается в качестве символа плодородия и служит защитой от темных сил [2, с. 96–98].

Наверное, нигде так ярко не раскрываются особенности русского архетипа и национальной ментальности, как в содержании и образах русских сказок. Сформировавшийся на протяжении веков архетип стал основой своеобразия национального мировосприятия. Сразу же можно обратить внимание на главную особенность наших сказок: здесь нет сцен убийства животных (за очень редким исключением). Главные герои вместе с лесными, речными и воздушными обитателями составляют единое целое. Они сочувствуют главному герою и помогают ему в достижении поставленной им цели.

Лесные зверушки внешне неказисты, но наделены доброй душой. В сказке «Царевна-лягушка» Иван-царевич встречает медведя, селезня и зайца, говорящих человеческими голосами. У русского сказочного героя Ивана и рука-то не поднимается лишить их самого главного достояния – жизни. В благодарность зверушки и птица помогают ему победить Кощея Бессмертного и освободить Василису Премудрую.

Сам образ Царевны-лягушки символичен. Лягушка связана с водной речной стихией, кроме того, в ней таится женское начало [3, с. 250–253]. В сказке подчеркивается внешний безобразный облик этой «царевны» лягушачьего мира, оказавшейся на самом деле Василисой Премудрой. Здесь проявляется одна из особенностей русского мировосприятия, о которой уже сказано выше. Речь идет о несоответствии ничем не примечательной или безобразной внешности с богатым внутренним духовным содержанием. Здесь как раз проявляются особенности русского интровертивного архетипа. Безобразная лягушка, объект насмешек братьев и их жен, оказывается в конечном итоге прекрасной и мудрейшей женщиной-царевной. Как выясняется в конце сказки, из-за зависти к мудрости своей дочери отец ее – Кощей Бессмертный превратил Василису в лягушку. Само имя Василиса, т. е. «царская дочь», происходит от *греч.* «базилеос» – «царь».

Русским волшебным сказкам присущи элементы космоизма и космической символики. Действия героев европейских сказок большей частью ограничиваются стенами города или замка. Расположенные за крепкими ограждениями леса в представлении европейца наполнены темными нечистыми силами, таящими в себе смерть. Так, в известной немецкой сказке «Гензель и Гретхен» лесник со своей женой заводят собственных детей в темную лесную чащу на погибель, так как в доме есть нечего. Сюжет, честно сказать, для русского мировосприятия, где материнские и вообще родительские чувства ценились выше всего, абсолютно непонятный. В названной выше сказке «Царевна-лягушка» Иван-царевич чувствует себя в лесу как в доме родном. Дело в том, что русские люди, исконные земледельцы-пахари, всегда чувствовали себя неотделимой частью матери-природы. Не боялись они и леса, и обитателей лесных. Наблюдая бесконечное возрождение матери-земли и природы, русский человек не боялся смерти, уверенный в вечном возрождении жизни.

Итак, русский герой Иван отправляется на поиски любимой жены. Идет он в северном направлении и переходит условную границу, разделяющую два мира живых и мертвых. Это и есть «лес дремучий», охраняемой Бабой-ягой. Существо это

мифическое, покровительница царства мертвых, как и Кощей Бессмертный. Живет она в «избушке на курьих ножках». Интересен один факт, излагаемый летописцем Нестором в «Повести временных лет». Он рассказывает о похоронном обряде вятичей и кривичей, помещавших кости сожженных трупов в специальные сосуды, которые они прятали от зверей на высоких деревьях в своеобразных «домиках» [4, с. 11–12]. Не стали ли эти «домики» с «содержимым» прообразом избушки с Бабой-ягой, костяной ногой?

Представляет интерес и этимология словосочетания Баба-яга. Дело в том, что с языка фарси слово «бобо» переводится как «бабушка». «Як» на том же языке означает цифру «один». Если следовать такому переводу с персидского языка, называемому «фарси», то хозяйку лесной чащи можно назвать «одиноким старухой». Такое название вполне соответствует образу жизни этого сказочного существа.

Что касается царства Кощей Бессмертного, ближайшего «друга» (или «недруга») обитательницы «дома на курьих ножках», то сам процесс умирания живого существа здесь исключен полностью. Царство-то это «костяное», где все уже давно-давно простились с жизнью.

Теперь обратим внимание на самые интересные детали размещения избушки. Вход в обитание Бабы-яги обычно направлен в сторону леса. Однако специально для Ивана-Царевича избушка разворачивается к лесу «задом», а к нему – «передом». Дело в том, что север, как и запад, ассоциировался у наших предков со смертью. Соответственно, южное и восточное направления ассоциировались с жизнью. В представлении древнего коллективного бессознательно «пробуждение солнца» на востоке и означало «пробуждение» всего живого, а медленное угасание светила на западе воспринималось как временное погружение мира со всеми его обитателями в сон. Север и юг содержали в себе более конкретные и суровые представления о жизни и смерти. Таким образом, создались четыре пересекающиеся в центре направления, образующие крест. Этот крест замыкается кругом – мандалой. Эта мандала и содержит в себе, как уже говорилось, космическую символику. Вспомним конструкцию православных наших храмов, воздвигаемых по принципу крестово-купольной системы. Алтарь любого православного храма всегда будет направлен на восток, а вход, соответственно, расположен со стороны запада. В православной церкви строго противостоят друг другу правая и левая стороны. Если стать лицом к алтарю, то правая сторона будет расположена со стороны южной, а левая – с северной. Следовательно, свечи за здоровье наших родных и близких мы ставим справа, а за упокой – слева.

Здесь нельзя обойти молчанием следующий интересный факт. У всех католических храмов, в какой части света они бы ни находились, алтарь повернут в сторону Ватикана. Строгая ориентация по линии восток – запад там отсутствует.

После небольшого отступления вернемся к нашему герою Ивану-царевичу и его путешествию в мире «инобытия». Избушка Бабы-яги служит ему своеобразными «вратами» в мир Зазеркалья. Хозяйка кормит его, поит, парит в бане и посвящает в тайну смерти и жизни Кощей Бессмертного. Оказывается, что «смерть его на конце иглы, та игла в яйце». Причем то яйцо находится в утке, а утка – в зайце, сидящем в сундуке. Сам же сундук стоит на высоком дубу, который стережет злополучный Кощей. Самым главным космическим символом здесь, конечно же, является яйцо. Этот символ имеет древнейшее индо-арийское происхождение, он называется космическим яйцом. Игла, находящаяся в самом центре яйца, являет собою ось мироздания. В данном случае яйцо означает царство зла, порожденное Кощеем. Когда наш герой ломает иглу, то сами собою рассыпаются владения властителя зла вместе с его дворцом, проваливающимся в земные недра. На месте жилища злодея появляется вдруг темное и глубокое озеро, дно которого находится где-то в хтоническом, т. е. подземном мире, вместилище всех темных сил. Таким образом, в образе Кощей уничтожается зло в космическом масштабе. После совершенного подвига Иван-царевич вместе со спасенной любимой женой направляется с севера на юг. Перейдя условную границу, отделяющую мир живых от так называемого Зазеркалья, счастливые супруги оказываются в мире живых людей. Итак, жизнь побеждает смерть. Наши предки были великими оптимистами.

Еще больший интерес представляет собою «Сказка об Иване-Царевиче, Жар-птице и Сером Волке». Примечателен зачин сказки, где рассказывается об удивительном саде царя Демьяна. Там росли редкие и красивые деревья, но главным украшением этого сада служила чудесная яблоня, приносившая золотые яблоки. И вот кто-то неведомый начал похищать золотые плоды с необычайного дерева. Из трех сыновей, посланных царем на поимку странного вора, только младшему удастся проявить бдительность и увидеть чудесную Жар-птицу, золотое перо которой остается в его руке. В русских сказках число три встречается часто. Как правило, из трех сыновей как раз младший, самый неказистый, на первый взгляд – несколько незадачливый, оказывается главным героем повествования. Отец посылает трех сыновей на поиски Жар-птицы, но только младшему, все тому же русскому национальному герою Ивану, удастся

ее отыскать. Сказка наполнена символами восточного индо-иранского происхождения. Этому обстоятельству вряд ли стоит удивляться. С древнейших времен (V в. н. э.) соседями славян-полян были скифо-иранские народы, населявшие Северное Причерноморье. Они жили также на территории Крымского полуострова. Начиная с IV в. н. э. на этой же территории Северного Причерноморья появляются сарматы и аланы. Как раз аланов и принято считать предками современных осетинов.

Среди народов персо-иранского происхождения был распространен зороастризм. Суть этой религии изложена в священной книге Авесте [5]. Автором Авесты считается Заратустра. Даты жизни иранского пророка и мага в одном лице – Заратустры (Заратуштры) относятся примерно к рубежу II и I тысячелетий до н. э. Заратустре приписывается авторство основной части Авесты, заключающей в себе песнопения, называемые Гатами. В авестийских песнопениях излагаются космогонические представления древних иранцев в интерпретации все того же Заратустры. Так, в тринадцатом гимне Яшта, молитвенного текста, входящего в состав Авесты, как раз и рассказывается о Космическом яйце, заключающем в себе всю Вселенную. Осью этого яйца является гигантское «Дерево всех семян». Это «Древо» пронизывает все три уровня Мироздания. Сразу же заметим, что число три в Авесте считается сакральным как раз в связи с «трехслойным» строением Вселенной. Итак, корни «Древа» уходят в бездонную водную стихию первозданности. Оно растет на подводной горе, охраняемой подводным страшилищем Змеем-драконом в одном лице. Далее ствол «Оси мироздания» пронизывает мир людей и всех живых существ, обитающих на земле и летающих в поднебесье. Ветви этого «Чудо-дерева» уходят в далекие дали мира небесного, где простираются владения Творца всей Вселенной Ахура-Мазды. Там же обитают души покинувших земной мир праведников – фравашей. Здесь же на своем белом коне ездит по облакам Митра, бог солнца и света. На ветвях «Древа» висят золотые яблоки, т. е. звезды небесные и «семена всех растений». Охраняются все эти сокровища золотой птицей – Семургом (Семурв). С языка фарси ее название переводится как «30 птиц», имея собирательное значение. В образе Семурга нетрудно разгадать прообраз русской нашей сказочной Жар-птицы. Золотое оперение Семурга объясняется обилием золотого солнечного сияния, наполняющего высший мир пребывания небесных богов и самого Ахура-Мазды. Обо всем этом повествуется в 21-й главе Видевдаты, жреческого авестийского кодекса [6, с. 24–26].

Что касается индо-иранского солнечного бога Митры, то в нем нетрудно угадать прообраз уже

упомянутого в начале статьи святого Георгия Победоносца. Этот святой уже существовал в византийском православии. Придя вместе с принятием Крещения в Киевскую Русь, Георгий Победоносец становится одним из любимых святых. Его облик олицетворяет светлые небесные силы, противостоящие злу темной преисподней, представленные в облике черно-зеленого мерзкого змея. Разным вариантам иконы «Чудо Георгия о змее» присуща общая символика, помогающая понять суть изображаемого действия. Конь, на котором восседает победитель змея, не случайно имеет белый цвет, символизирующий чистоту и «мир безмолвия». Копье воина напоминает молнию, летящую с неба, чтобы пронзить чудовище, выползающее из земных глубин. За спиной всадника развевается красный плащ, а вокруг головы сияет красный нимб, напоминающий по форме солнце. Да и сам диск щита, судя по всему, служит символом небесного светила. Противостояние сил Божественного света, символизирующих добро, и темных сил зла, сконцентрированных где-то в глубоком подземелье, называемом христианами адом, весьма характерно для русского народного мировосприятия. Тема вечного противостояния добра и зла в космическом масштабе присуща и русским сказкам, как мы убедились на примере названной выше сказки о Царевне-лягушке.

Между тем главный персонаж «Сказки об Иване-царевиче, Жар-птице и Сером Волке» отправляется на поиски этой Жар-птицы. Отец не хотел отпускать младшего сына, но уступил его слезным мольбам. Иван-царевич выезжает позже своих братьев и в одиночестве едет на богатырском коне по дороге, которая приводит его к каменному столбу с очень странной надписью. Там он читает предупреждение о том, что едущему от столба прямо грозит холод и голод; едущий вправо остается живым, но потеряет коня; едущий налево погибает сам, но остается жить его конь. Здесь присутствует уже знакомая по предыдущей сказке космическая символика, связанная с представлениями о жизни и смерти. Прямая дорога устремлена на север, левая – на запад, а правая – на восток. Так же, как и одноименному герою сказки о Царевне-лягушке Ивану-царевичу, преградой становится дремучий лес. Это символическая граница обычного людского земного мира и Зазеркалья, где обитают странные для непосвященного в тайны инобытия существа. В качестве жертвоприношения приносятся богатырский конь, которого раздирает в клочья выскочивший из лесной сказки Серый Волк. Здесь интересен следующий момент, который нельзя обойти молчанием. В европейских сказках Волк выступает в роли коварного злодея и обманщика. Достаточно вспомнить всем хорошо известный сю-

жет «Красной Шапочки». В русской интерпретации Волк, наоборот, оказывается мудрым советчиком и другом. В данной ситуации можно предположить перенесение на русскую почву элементов все той же персо-иранской авестийской культуры, о чем уже говорилось. В третьей главе Видевдаты собака прославляется как одно из лучших творений Ахура-Мазды, верного друга человека. Она же считается существом, связанным с миром инобытия. Русский Серый Волк вполне может ассоциироваться с образом собаки. Серым же он выглядит оттого, что все существа, обитающие в Зазеркалье, внешне неприметны и неказисты. Это совершенно особая сфера существования, недоступная обычному «заземленному» человеку. Выражаясь конкретнее, мир инобытия открывается только перед необычным представителем мира людей, наделенным глубокой интровертивной духовной силой.

Следует отметить тот интересный факт, что оба Ивана-царевича из двух называемых сказок очень похожи друг на друга. Это младшие сыновья, которым в семьях обычно отводилась третьестепенная роль, так как на первом месте после отца – стоял старший брат, за которым следовал средний. Младшего же сына в русском быту называли пренебрежительно «последышем». При разделе имущества после смерти отца младшему сыну доставалось немного. Что касается наследия князей, то вся история Киевской Руси состояла из междоусобных войн княжеских сыновей. Дело доходило до убийств кровных родственников. Междоусобица ослабила могущество Киевской Руси, что, как известно, имело печальные последствия для всей истории государства русского. Пришедшие из степи дикие орды монголов, осмелевшие после кровопролитной битвы при Калке (1223), позже обрушились на Рязань (1237). В 1240 г. они овладели Киевом, и началась тяжкая эпоха монголо-татарского ига. Отзвуки этой междоусобной борьбы, когда старшие братья без особого угрызения совести могли убить младшего, как раз и находят отражение в русском народном творчестве.

Итак, мир Зазеркалья принимает пришедшего сюда младшего царского сына. Роль авестийской собаки, обитающей в мире небытия, берет на себя Серый Волк. Для людей типа старших братьев Ивана, экстравертов, чьи интересы ограничены сугубо земными меркантильными интересами, доступа в этот тайный мир нет. Серый Волк между тем становится для царевича одновременно конем и верным другом. Как и положено обитателю здешних необычных мест, он несет своего всадника по воздуху, «пропуская горы и доли меж ног» и «заметая след хвостом». Волк доставляет Ивана-царевича к царю со странным именем Афрон, обладателю клетки с Жар-птицей. Здесь его подстере-

гает первое искушение, которое он не смог преодолеть. Соблазнившись осыпанной алмазами золотой клеткой, он крадет ее вместе с птицей. Этот неблагоприятный поступок становится первой ступенькой для дальнейшей дороги нашего путешественника. Царь Афрон в наказание посылает Ивана в царство Кусмана за «золотогривым конем» (скорее всего, Кусман – русский вариант персо-иранских имен – Хуссейн или Хасан). Здесь также наш сказочный герой не смог избежать искушения, похитив коня вместе с золотой уздой. Это будет уже вторая ступень для следования по путям мира Зазеркалья. Царь Кусман отправляет Ивана за Еленой Прекрасной в царство Долмата (имя явно не православного происхождения). Однако во избежание дальнейших неприятностей, мудрый Серый Волк крадет из царского сада Елену сам. После этого Волк вместе со всадником и Еленой Прекрасной отправляются по обратному пути следования. Нетрудно заметить, что с самого начала пути следования и дальше Иван-царевич вместе с Серым Волком все время поднимаются все выше и выше. Они направляются вдоль ствола Чудесного дерева, Оси мироздания, туда, где зеленая крона, усыпанная золотыми яблоками, уходит в необъятные дали солнечного небесного мира. Золотое сияние Солнца присутствует на всех трех уровнях существования мира инобытия: сияет золотом Жар-птица в золотой клетке; золотом отливают грива царского коня и его золотая уздечка; золотой решеткой огорожен чудесный сад, откуда Волк похищает для своего «подопечного» царскую дочь.

Обратный путь следует вниз, к исходной точке отправления Ивана-царевича в мир инобытия. По пути следования чудесный волк показывает чудеса перевоплощения в людей и животных. Он приобретает облик Елены Прекрасной, которую хотел сделать своей женой старик Кусман. Однако в последний момент вместо очаровательных губок молодой жены престарелому «жениху» пришлось подарить поцелуй ошетилившейся волчьей морде. Жадный царь Афрон лихо прокатился на «золотогривом коне», на всем скаку превратившемся в обычного волка. Вот только настоящая Елена Прекрасная стала подарком Ивану-царевичу за его подвиг – поимку Жар-птицы. Да и сама птица вместе с конем златогривым остаются при Иване как память о его приключениях в потусторонней обители странных существ.

В сказке, как принято говорить, фантазия сочетается с былью. Образ умного и доброго царя в русской сказке встречается не так часто. Изображенные в повествовании о Царевне-лягушке цари представлены воплощением не очень хороших человеческих качеств. Один потребовал себе коня златогривого в обмен на злополучную птицу, а дру-

гому понадобилась молодая жена. И Афрон, и Кусман прекрасно понимали, что посылают молодого царевича на весьма рискованное «мероприятие». Ни один царь добровольно не отдал бы ни «златогривого коня», ни тем более свою единственную дочь – Елену Прекрасную – в жены старику. Да и сам царь Демьян не может вызвать особых симпатий, послав своих сыновей в неведомые дали только потому, что ему захотелось завладеть сказочной Жар-птицей. Типы властителей-самодуров взяты из земной реальности. Настоящим царем является Иван, но только владения его находятся как раз в ином мире ирреальности, называемом Зазеркальем. Там духовные ценности стоят выше ценностей материальных, и справедливость торжествует, побеждая зло.

Итак, Иван прощается со своим другом и спасителем Серым Волком, остающимся «за чертой», разделяющей два противоположных уровня бытия. Однако ему предстоит пройти обряд «умирания» с последующим «воскресением». Ведь он из «царства инобытия», где обитают ушедшие из этого мира когда-то живые существа, возвращается в мир обычных существ, живых. Вот здесь-то и отрубает у него спящего голову родные братья по причине зависти к увиденной ими добыче. Но и на этот раз спасает Ивана все тот же Волк. Все свершается «по законам» русской архетипической символики. Волк посылает черного ворона «за тридевять земель в тридевятое царство» за живой и мертвой водой. Дело в том, что все птицы, а особенно ворон, по народным представлениям были связаны с самим фактом смерти и «миром мертвых» [6, с. 33]. Карканье ворона не предвещало ничего хорошего. Сообщала эта «вещая птица» только плохие новости. Ничего удивительного не было в том, что ворон обладал сведениями о том месте, где существуют источники с «живой» и «мертвой» водой. Опять же, согласно русскому противопоставлению направлений «лево – право», ворон несет ведрышко с «живой водой» на правом крыле, а с «мертвой» – на крыле левом. Мудрый Волк присоединяет отрубленную голову к туловищу и sprыскивает тело сначала мертвой водой.

Происходит «срастание» тела, но не более того. Чтобы вернуть душу, уже «улетевшую» в те края, откуда вернулся наш герой, требуется sprыскивание водой «живой», что Волк и делает. Иван-царевич воскресает, после чего Серый Волк довозит его до «стольного города», где находится дворец царя Демьяна. Здесь оба друга прощаются навеки. Естественно, сказка имеет хороший конец, справедливость торжествует. Старших сыновей царь выгоняет и, как следовало ожидать, объявляет младшего сына своим наследником. Завершаются события свадьбой с «пиром на весь мир».

Итог всему сказанному напрашивается сам собой. Герои названных русских волшебных сказок, как и других, не случайно названы Иванами. Это собирательный образ русского человека – Ивана, наделенного исторически сложившимися архетипическими свойствами мировосприятия и поведения. На первом месте стоит интровертивное духовное начало. Глубокая духовная сила всегда помогала русскому человеку преодолевать все тяжкие испытания непростой истории нашего русского государства. Уже реальные, а не сказочные герои никогда не падали и по сей день не падают духом в любой, казалось бы, непреодолимой драматической ситуации, которые нам постоянно предлагает жизнь. Русский человек по своему характеру – великий оптимист, каковым он и останется, выражаясь сказочным языком, «навек и вечные».

В заключение следует сказать о патриотическом значении содержания русских сказок, которое так необходимо на уроках и лекциях по истории и литературе во всех отечественных учебных заведениях. Русские Иваны были остаются по сей день творцами нашей истории. В.П. Лаврова говорит по этому поводу: «Без развития патриотического самосознания невозможно социального становления личности не только на уроках истории, но и на уроках литературы» [7]. Духовное начало присуще русскому архетипу, сложившемуся еще в глубокой древности, и является составной частью национального народного патриотизма, нашедшего яркое выражение в русском народном творчестве.

Список литературы

1. Юнг К. Структура психики и архетипы / пер. с нем. Т. А. Ребека. М.: Академ. проспект, 2009. С. 302.
2. Бидерман Г. Энциклопедия символов / пер. с нем. М.: Изд-во «Республика», 1996. 327 с.
3. Славянская мифология: энцикл. словарь. М.: Эллис Лак, 1995. 414 с.
4. Повесть временных лет. СПб.: Азбука-классика, 1999. 223 с.
5. Крюкова В. Ю. Зороастризм. СПб.: Азбука-классика, 2005. 584 с.
6. Велецкая Н. Н. Символы славянского язычества. М.: Вече, 2009. 316 с.
7. Лаврова Т. В. Развитие патриотического самосознания учащихся колледжа при изучении курса «История России» // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2011. Вып. 2 (104). С. 36–38.

Караваева Е. В., ст. преподаватель.

Сибирский государственный медицинский университет.

Московский тракт, 2, Томск, Россия, 634050.

E-mail: caravaef38@mail.ru

Волкова Л. Д., кандидат философских наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

Email: caravaef38@mail.ru

Материал поступил в редакцию 28.04.2011.

E. V. Karavaeva, L. D. Volkova

SOME CHARACTERISTICS OF RUSSIAN NATIONAL MENTALITY

An analysis of some Russian tales is carried out on the basis of psychological theory by Ung. The author of the article bases his point on the study of the Founder of analytical psychology about symbolic types. Two well-known Russian tales serve as examples: "Frog-Princess" and a tales about Ivan the Tzar's son and a grey wolf.

Key words: *archetype, introversion, extroversion, symbol, cosmic study.*

Karavaeva E. V.

Siberian State Medical University.

Moskovskij trakt, 2, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: caravaef38@mail.ru

Volkova L. D.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: caravaef38@mail.ru